

Архимандрит Макарий (Веретенников)

Слово о святой Пелагии архимандрит Макарий (Веретенников)

26 сентября 2012 г.

4 сентября 2005 года исполнилось тридцать лет со дня кончины митрополита Алма-Атинского и Казахстанского Иосифа, но память о нем жива. Его помнят, о нем выходят книги и статьи¹, публикуются проповеди². Это был архиерей, запомнившийся верующим людям любовью к богослужениям, своими проповедями. Кто близко с ним общался, помнит его простоту, заботливость, участие.

Владыка чтит в своих молитвах преподобную Пелагию (†457; іаі. 8 іео.), іо?аіеа Еаеіаа Іа?нуіеіа (†421; іаі. 27 ііуа.) е пауоеоаеу Іааеа Епііаааіеаа (†350; іаі. 6 ііуа.), еіоі?уі іі піоааеа аеаоепоу³. Акафисты писались им в условиях военного времени. В рукописном Акафисте преподобной Пелагии имелась пометка об освящении иконы святой, в которую была вложена частица ее мощей⁴.

В письме Таборанским, близким к Владыке, он писал в 1948 году об обстоятельствах написания Акафиста преподобной Пелагии: «Когда писался акафист в Азове в начале 1942 года и был он летом в июне окончен, то тот муж, юноша-инок, писавший его и окончивший в день канонизации, то есть когда бы его впервые на Богослужении прочесть и благословить, очень смущался, будут ли приняты преподобной эти малые его труды, не отвергнет ли Господь эту похвалу Его подвижнице как недостаточную и недостойную. Он, юноша, тот инок, очень томился духом и молил Господа дать указания... Накануне того дня, когда был прочитан за Богослужением акафист, под утро этот скромный автор и недостойный творец акафиста видел сон такой. Ей-ей, это правда.

Пишу эти строки по совести своего звания! Он видит себя в очень большом красивом, красивом саду, красивее красивой и волшебной “Софиевки”. Там было много павильонов разных форм и стилей. Этот автор, как бы еще мальчик, в штанишках и рубашечке только, поражен красотой сада и павильонов. Он волнуется, боится, никого из людей там нет. Сад – отблеск райской красоты на земле, и павильоны величественно стоят. Он вбегает в один из павильонов, состоящих из цветного металла и толстого стекла, там чудные золотые вокруг прилавки и полки, а на полках

до потолка ряда в четыре стоят разные красивые, красивые корзинки с разными фруктами, ему знакомыми и невиданными красивыми фруктами. Мальчик-юноша, автор этот, с расширенными зрачками и бьющимся сердцем смотрит на всю эту безмолвную красоту.

Вдруг влетает белая-белая голубка с красным гребешком на голове и, облетев несколько раз вокруг единственного этого человека, села на верх полки на край плетеной из золотых прутьев корзинки, которая была полна красивейших золотисто-красных яблок, и, ранив одно яблочко клювом, сбросила его, и мальчик-автор на лету подхватил то яблочко и от восторга вскрикнул. За одну копейку такое чудесное яблоко. И проснулся с полными глазами слез и биением сердца. Автор, конечно, понял, что его хотя и копеечный труд, но принят преподобной и сам он еще мальчик, мальчик человек...

Тот святитель Нонн святой, обративший в христианстве Маргариту в Пелагию, видел во сне, что он литургисал и черная смрадная голубка летала вокруг престола, а после литургии, когда он выходил из храма, она опять летала вокруг его головы, когда он приблизился к выходу, направо был баптистериум, где крестили людей взрослых, он схватил ту голубку и трижды окунул в купель, и она мгновенно стала белая-белая и ароматом залило весь храм, и она скрылась в небесной голубой выси. В Антиохии, куда Нонн ехал, пришлось ему крестить Маргариту в Пелагию. Вот почему Пелагия преподобная и называется голубицей, и в самом припеве так называется»⁵.

В беседах Владыка любил пересказывать жития святых и одной из тем было житие преподобной Пелагии. Возможно, живое повествование из уст Владыки о подвигах Святой подвигло кого-то на написание поэтического произведения, посвященного Преподобной. На машинописи с текстом поэтического произведения о преподобной Пелагии рукой иерарха было написано: “Почтительнейшее приношение чете Таборанских – повторение 48 года что из Челябинска... Тогда (!) Е. Иосиф 55 г. ко дню преподобной Пелагии из Кокчетава”.

Слово о святой Пелагии

8 октября

Хранит Священное Писанье
в своих немеркнущих листах
одно чудесное преданье
о тех, дано минувших днях...
Пройдут века и канут в Лету,
земля изменит облик свой,
но не умрет преданье это
и образ будет жить святой.
Лишь новой славой воссияет
оно над новою Землей:
что свято, то не увядает,
кто свят – всегда везде живой.
И как сейчас ее икона
влечет к себе сердца людей,
как льется проповедь с амвона
так и тогда в сиянье дней,
придут страдающие к ней
и взоры опустив смиренно,
скорбя о тягостных грехах,
перед частицею нетленной
падут в молитве и слезах...
И все получают утешенье:
она своей святой рукой
поддержит нас в часы паденья
и путь укажет нам иной.

1.

Темны египетские ночи,
плывет корабль иль не плывет,
не напрягай напрасно очи –
того и зверь не разберет.
Корабль плывет, качаясь плавно,
слыхать, как плещется вода.
Вот метеор мелькнул случайно
и снова все объяла тьма.
И темнота склеила веки,
и успокоилась душа...

Вот так бы плыть да плыть во веки,
пока погода хороша.
Давным-давно на борт спустился
спокойный, как и море, сон.
И, помолившись, разместился
у якоря епископ Нон.
А рядом крепко спит Иаков –
его смиреннейший слуга.
Он Нону друг. И как диакон
сопровождал его всегда.
Корабль плывет в Антиохию.
Уснул и Нон спокойным сном
и видит: будто Литургию
свершает, как обычно, он.
Но как торжественно моленье!
какая в храме благодать!
глаза в восторге умиленья,
священной радостью горят!
И вдруг в раскрытое оконце
ворвался голубь. Черный весь.
Все потемнело, будто солнце
ушло с египетских небес.
Свистя крылом, как коршун дикий
носился он по храму вокруг.
Икон божественные лики
померкли, почернели вдруг.
Лампады гасли, ветер рвался
и пыль столбами поднялась,
а черный голубь все метался
и Литургия прервалась.
И смрад, и вонь ползут по храму,
и задыхается народ...
Вот кто-то в злобе рушит раму
и кто-то в дверь бессильно бьет.
Очнулся Нон от изумленья
и как-то голубя схватил,
и трижды, делая Крещение,
в купель святую опустил.
Вмиг вонь ужасная исчезла,

разлился нежный аромат.
И Моисей могучим жезлом
зажег опять огни лампад.
А голубь, вырвавшись от Нона,
пришел спокойно на ковчег,
и, к изумлению народа,
вдруг побелел и стал как снег.
Проснулся Нон. Заря играла,
купалось солнце в глубине.
Волна волну ласкать устала
в ночной щемящей тишине.
– Я видел сон сегодня странный, –
так Нон Иакову сказал, –
и обстоятельно, пространно
свое виденье описал.
Иаков мало удивился,
но сон пытался объяснить:
народ у вас всегда крестился,
опять кого-то вам крестить.

2.

На всеегипетский собор
Корабль епископа привел,
И Нон с спокойною душой
На берег с корабля сошел.
Как первобытная стихия,
живет во тьме Антиохия,
в те дни прекрасная страна
еще языческой была.
Богов забавный хоровод
всяк почитал, поскольку мог,
и никакой еще морали
народы древние не знали.
Звериный был в стране закон:
живет – кто силен и умен,
Мне завтра смерть, тебя ж сегодня
пускай поглотит преисподня!
Живи как хочешь: пей, гуляй,
блуди, кради и убивай:
нет никакого наказания

для совершенного сознания.
Терялась истина во тьме –
бродила совесть в стороне.
Но началась Христова битва
и в странах “мудрого” Египта:
“Светильник Я во тьму принес”, –
сказал торжественно Христос.
И отступала в страхе тьма:
цари, народы, племена,
услышав Божий благовест,
на тело одевали крест.
И новой славой озарен
все выше возносился он.

3.

Однажды со ступеней храма
Нон пред народом выступал,
богов египетских он прямо
и беспощадно бичевал.
Бог мудрость, красоту и силу
вложил давно в его уста.
Казалось – мертвых из могилы
воздвигнуть проповедь могла,
хоть речь его была проста,
спокойна, величава.
Но прямо в сердце поражала
и разум людям просвещала.
Вкушая истинный тот плод
стоит и слушает народ.

.....

Но кто через толпу идет?
Чье там нескромное движенье
в народе вызвало смущенье?
Не прерывая речи Нон
был тем немало удивлен.
Идет богиня, не богиня...
Вся в шелке, в золоте, в камнях,
пред нею раб народ раздвинул,
а сзади в двух иль в трех шагах
сияньем юности облита,

идет восторженная свита.
Богиня к Нону подошла
и встала рядом на ступени.
Казалось, лишь скажи она,
и упадут все на колени
и воздадут молитву ей –
богине счастья, красоты,
любви, восторга и мечты!
Она поистине прекрасна,
глядит на Нона жгуче, страстно,
не отрывая дерзких глаз
с улыбкой в чувственных губах.
Лишь из сапфиров ожерелье,
кольшась, выдает волнение.
Она глядела долго, томно,
пока не опустил взгляд,
Нон говорить не мог спокойно,
и вот она пошла назад.

4.

Кто это: женщина иль дева
стояла здесь, иль это сон?
Иль красота с небес слетела? –
спросил, окончив речи, Нон.
Да. То краса с небес слетела,
то Антиохии гетера!
Она прошла – и с нею свита
гетеры нашей Маргариты!
Она – дитя своей отчизны,
другой едва ль захочет жизни.
Красу ее долина Нила
как древо редкое вскормила.
Вокруг нее вельможи вьются,
считая счастьем прикоснуться
не только к пламенной щеке,
но лишь к протянутой руке!
Скота наверно тысяч шесть,
рабов, рабынь не можно счесть,
дворец, камень, серебро –
все за любовь ее дано.

Она властительница счастья –
в ее руках и знать, и власти.
И солнца радостный восход
в разгаре пира застаёт
гетеру нашу. И она
и от любви, и от вина
опьянена, возбуждена
танцует. Боги наши
еще не знали танца краше.
Нам, смертным, нечего хотеть,
как посмотреть... и умереть.
Уж не один поклонник лег
навек у этих стройных ног.
Так отозвались Нону все
о Маргаритиной красе.

5.

Домой явилась Маргарита.
– А пир вас ждёт! – рабыня к ней.
– Нет! Нет! – ответила сердито, –
Иди, предупреди гостей,
Сегодня я одна побуду.
– Но вас все ждут. Огни горят,
Уже злаченную посуду
я подала. Без вас грустят.
Фонтаны льются,
В искрах вина зажжен душистый фимиам...
Разбита будет вся картина,
коль вас опять не будет там.
Клянутся гости, что забыли
какая вы и танец ваш...
Вы так давно вина не пили.
Ах, госпожа! Хотя бы час!
Хотя бы только посидели...
Уходят в вечность жизни дни.
Вернуть их в старости б хотели
мы все, конечно, но они
уж никогда не повторятся.
Однажды в жизни сны нам снятся.
Не только люди – даже боги,

наверное, полны тревоги
за вас. Подумать только!
С такой красой сидеть без толку,
когда вас ждут, и вас хотят,
когда за ваш единый взгляд
рабов, имения дарят!
– Довольно с вас! Я знаю все,
Открой окно и уходи,
да постарайся, чтоб никто
ко мне сюда не приходил.
Ушла рабыня. Маргарита
едва присела на ковер,
как повернулася сердито,
поймав в окошке чей-то взор.
Ее раскосые глаза
метнули искру, как гроза.
– Ах это ты, мой мальчик милый! –
вдруг улыбнулася она, –
но почему такой унылый?
Или не выпил ты вина?
А смуглый мальчик, сын Египта,
скользнул, как тень, в ее окно
и поклонился Маргарите:
– Я только с вами пью вино!
– А почему покинул пир?
– Без вас он никому не мил.
– Но разве там веселья мало,
гетер хватает там, кажись!
– Одной лишь вас недоставало –
без вас все гости разошлись.
– Ну ладно, мой хранитель юный,
тебе давно пора уж спать.
Меня же ночь и свет тот лунный
располагают помечтать.
И мальчик лег. Он сын рабыни,
был к ней привязан, точно пес.
Из всех, наверно он единый
любовь нетронутой донес
до этих дней. Его гетера

как мать любила и жалела.
А Маргарита до утра
Писала что-то и считала,
и удивленная заря
ее в той комнате застала.
Цветущей свежести полна
она вдруг встала и пошла.
Куда? Куда идет гетера
в столь ранний час? Какое дело
ей душу пылкую тревожит?
Печаль какая сердце гложет?

6.

Нон был немало изумлен,
когда, открыв квартиру, он
узрел гетеру у порога.
Нахмурил брови Иаков строго:
– Что вам угодно? – Я хотела
просить Крещения у вас.
– Креститься? Но ведь вы гетера?
– Да! И, пожалуйста, сейчас!
– Сейчас? Креститься? Вы в уме?
Иль это только снится мне?
Следы греха еще горят
на теле вашем. Ваш наряд
на пир зовет, а не креститься.
Я не могу на то решиться –
Вы... много выпили вина.
– Я не пьяна.
Прошу я вас крестить меня!
– Но вы... вы знаете ученье?
Ведь тьма еще объемлет вас
у вас рабы, у вас именье!
Я не могу свершить крещенье
в столь утра неурочный час.
– Я раздала свое именье,
рабы свободу обретут...
Прошу вас совершить Крещенье,
грехи огнем мне душу жгут.
И на колени опустилась,

и по лицу ее слеза
на ожерелье катилась,
и вниз опущены глаза.
Тут вспомнил Нон...
корабль и ночь и странный сон.
Он отвечал в каком-то страхе:
– С благословенья Патриарха,
возможно, я свершу обряд.
Вы подождите, я назад
вернусь через несколько минут,
а вы пока присядьте тут.

7.

Красою утра блещет храм.
Играет в окнах яркий свет,
но христиан немного там
и оглашенных еще нет.
Собрались все епископы Египта
и Патриарх вошел в алтарь.
И тихо ждет их Маргарита,
в ее глазах еще печаль
и радость бьются переменно.
Хитона белого холсты
на ней одеты для крещенья.
Свою блестящую одежду
и украшения она
при входе нищим отдала.
Вот так сбылась ее надежда:
Сейчас священной водой
ей путь откроется другой!
Бледнеют щеки, сердце бьется,
уж зажжены огни лампад
и голос Нона раздается –
Священный начался обряд!
Вслед за Крещеньем – Литургия,
в середине храма – Пелагия.
Весь Маргариты грех и стыд
святым Крещением омыт!
Стоит как ангел Пелагия,
И песнопенья Литургии

ее подъемлют и несут
из мира, где лишь грех да блуд,
несут, несут в миры иные!
О, помогите ей святые,
святые Ангелы – она
живую душу обрела!

8.

Священный хлеб уже порезан,
вина янтарного сосуд.
Сидят за скромною трапезой
и тихий разговор ведут
епископы со всех сторон,
Иаков, Патриарх и Нон.
Пелагия их угощает всех сама
в бокалы льет янтарь вина
и фрукты подает она.
Легка и радостна беседа
для тех, кто чист душею стал,
и Нон заметил: у соседа
слезинка капнула в бокал,
И сам едва сдержать он смог
свою слезу и свой восторг.

9.

Еще молва о том летела,
что вдруг крестилася гетера,
Как в ночь ужасное известье
затмило первое и вместе
они объяли всю страну
и любопытному уму
давали пищу. Исчезла
вдруг Маргарита, словно дым,
порывом ветра уносима!
Пропала в ту же ночь она,
и не нашли ее следа.
Рабыня в страхе утверждала,
что поздно вечером видала,
как Маргарита вслух читала,
– потом
в безмолвье погрузился дом.

Глотая слезы, мальчик-раб
сказал, что ночью госпожа
какой-то мерила наряд,
что по лицу ее слеза
катилась, а потом,
когда он погружался в сон,
она его поцеловала
и что-то нежное сказала,
но что – не может вспомнить он,
потерей страшной поражен.
Гудит народная молва,
предположеньями полна.
Жрецы, пуская в цель обман,
Во всем винили христиан.
Расправы требовала знать
над христианами опять.
Они бы были все побиты,
но завещанье Маргариты
спасло от смерти и от мук
Христа смиренных первых слуг.
В том завещании она
рабов на волю отпустила,
богатство бедным раздала
и Церковь щедро одарила.
Гудит народная молва
предположеньями полна,
одни твердят – любовник страстный
увез ее в дворец прекрасный,
где в заточении она
теперь навек погребена.
Жрецы свое, что христиане
все подготовили заранее,
что под насилием она
Крещение это приняла.
А третьи, будто волны Нила
хранят на дне ее могилу.
Дарам не радуется Нон:
не удержал голубки он –
ни наяву, и не во сне

в ту ночь на ветхом корабле.
Куда голубка улетела?
Где ты, прекрасная гетера?

10.

Темны египетские ночи,
плывет корабль иль стоит?
Не напрягай напрасно очи,
того и зверь не различит.
Корабль плывет, прошло три года,
и вот Иаков держит путь
в страну избранного народа,
места священные взглянуть.
Плывет Иаков в Палестину.
Туда, на родину Христа,
чтоб взором жизнь Его окинуть
от Рождества и до Креста.
Нон дал ему благословенье,
сам в путь-дорогу снарядил
и он в святое Воскресенье
на Землю с трепетом вступил.
“О, ты, святая Палестина!
страна пророков и царей!
Каким плодом Его кормила,
когда Он жил среди людей?”
“Земля, земля! В твоём движеньи
ты не видала горше слез,
чем те, когда в изнеможеньи
Он на Голгофу крест Свой нес!
Земля, земля! Твое движенье
пошло по новому пути,
когда в минуту Вознесенья
на мир взирал Он с высоты”.
Так думал Иаков в Палестине,
познав ее и вглубь и вширь
и, наконец, в Иерусалиме
зашел он в древний монастырь.
Ему давно уж говорили,
что есть отшельник там один:
в своей пещере, как в могиле

живет, молитвами храним,
что речь его и кроткий взгляд
в пути опасном сохраняют,
что возложением кротких рук
он утишает страсть, недуг...
к нему не ради исцеленья,
а получить благословенье
Иаков долгий путь направил,
так видно Бог его наставил.
Пещера та в горах Сиона
давно всем жителям знакома.
И он полуденной порой
идет-бредет к пещере той.
В горах дорога нелегка,
Сион закрыли облака,
повсюду камни, кручи, скалы,
но те, кто здесь уже ступали,
тропинку в камне протоптали.
Вот и пещера, камень дикий,
с оконцем маленькая дверь.
Живет подвижник здесь великий,
а раньше жил, возможно, зверь.
На стук в оконце появилось
худое, бледное лицо,
но столько света в нем светилось!
Как взор теплился горячо!
Какая сила в этом взоре,
какая мудрость в нем горит!
Нет, никакое видно горе
не в силах пламя погасить.
Казалось: вот живет в пещере
страдает, мучает себя,
глаза же радостно горели,
и нет печали в них следа.
Природа мать! Твои законы
не поколеблены ли здесь?
Дух сбросил плотские перемены,
светился в этом взгляде весь.
И пораженный, пал Иаков,

свои колени опустил,
не замечая, сладко плакал
и что сказать? Совсем забыл.
Глаза в глаза не отрываясь
смотрели б так, хоть целый век.
Какая сила излучалась,
скажи, ученый человек?
– Вставай, Иаков! – вдруг отшельник
сказал и руку протянул, –
Я думал, мытарь или книжник,
а это ты к нам заглянул.
Благодарю за посещение,
здоров ли Нон, епископ твой?
Сколько тысяч приняли Крещение
в Антиохии золотой?
Все расспросил подвижник строго
(откуда столько знает он?),
стоял, как мертвый, у порога
Иаков, мудростью смущен.
– Ну, а тебе благословенье,
наверно, только завтра дам.
В час этот завтра, без сомненья,
опять пожуешь ты к нам.
И скрылся лик во тьме пещерной,
и голос сладостный умолк.
Что это – явь, или виденье?
Кто грани провести бы мог?
И скрылось солнце за Сионом,
но жар по-прежнему палит.
Идет Иаков восхищенный,
идет тропинкою знакомой,
и сам с собою говорит.
Вдали белеет ветхий храм,
и звон разносит по горам!
На завтра Иаков в час условный
в дверь обветшалую стучит.
Ответа нет. В горах безмолвных
лишь эхо званное вторит.
Опять стучит, глядит в оконце,

Пронзит ли взгляд ночную тьму,
куда лишь утреннее солнце
лучи украдкой шлет ему?
Он дверь открыл. Вошел в пещеру,
стоит на каменном полу.
– О, Боже праведный! Не верю!
Он вдруг вскричал, – не быть тому.
И в угол бросился проворно
(А сердце рвет на части грудь)

.....
В углу бездыханный, безмолвный
лежит отшельник на камнях.
Глаза открыты. Волос нежный
едва кольшет ветерок.
И пал Иаков, как прибрежный
волною грозной смыт песок.
Очнувшись, он перекрестился,
глаза покойнику закрыл
и быстро, быстро в путь пустился.
К друзьям-монахам в монастырь,
пещера эта издревле
была при том монастыре.

11.

Не передать той тяжелой боли,
как монастырь о нем грустил:
как каждый думает: давно ли
он рядом здесь в пещере жил.
И каждый скажет про свое,
а звон несется с колокольни
печальный, медленный – давно.
Могилу роют уж в ограде,
здесь гроб дубовый мастерят;
тут двое в келье сидя рядом
последний шьют ему наряд.
Явились старцы. Омовенье
они сейчас произведут;
но вот возникло удивленье
на лицах отразилось вдруг.
Их страх объял – и шепчут губы:

– Свят! Свят! Свят! Свят!
И от испуга дробно зубы
во рту, вдруг высохшем, стучат.
Пред ними женщина лежала.
Да, несомненно, это так.
Грудь только не дышала
и был закрыт померкший взгляд.
Вот, вот поднимется с улыбкой
и скажет ласково, шутя:
Отцы и братья! Ты, владыко!
Что ж не обмоете меня?
И келья сразу опустела,
бегут монахи взад, вперед,
печаль со звоном улетела
и всякий – чуда ль, смерти ждет.
Но вот утих порыв волненья
и осенив себя крестом,
Святая братия в смущеньи
идет в ту келию гуськом.
Вошел Иаков. В кельи тесной
лежит по-прежнему она.
Спокоен лик ее прелестный,
одежды тело обнаженно.
Иаков смотрит. И восстали
пред ним знакомые черты.
.....
Не те ль глаза тогда блистали
сияньем грешной красоты,
когда в шелку, в цветах, в камнях
гетера к храму подошла?
Не ты ль стояла на коленях
тогда, взволнованно дыша,
и умоляла о крещеньи?
Иаков ближе. Просветленье
сошло на ум его, и он,
и поражен, и восхищен,
держат в себе уже не мог
объявший душу всю восторг.
Пред нами, братья, Пелагия,

Она жила в Антиохии,
и там доселе не забыта
царица блуда – Маргарита.
Так Иаков начал свой рассказ
о ней, чей только бледный прах
лежал не убран на скамье
в стране святой, в монастыре.
Хранит Священное Писанье
Прекрасный очерк бывших дней,
его краса и обаянье
влекут к себе сердца людей.
Но эта слава – неизменна,
земная слава коротка,
до наших дней не угасая
она прошла через века.
Звезда померкнет во вселенной,
Лучи со временем замрут,
но дух ее и прах нетленный
свой вечный свет нам в душу льют.

Примечания

¹ - Архимандрит Макарий. Иосиф, митрополит Алма-Атинский и Казахстанский // Альфа и Омега. 1998. № 4(18). С. 134–146; диакон А. Киреев. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2002 годах. М., 2002. С. 157–159; Свет радости в мире печали. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф. М., 2003; Архимандрит Макарий. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов). М., 2005.

² - Альфа и Омега. 2005. № 1(42). С. 5–24; № 2(43). С. 5–13; № 3(44). С. 5–17; см. также в этом номере: С. 5–15.

³ - Свет радости в мире печали.... С. 645–673; Архимандрит Макарий. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф... С. 39–76.

⁴ - Архимандрит Макарий. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф... С. 38.

⁵ - Архимандрит Макарий. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф... С. 269–271.

Содержание

Архимандрит Макарий (Веретенников) Слово о святой Пелагии архимандрит Макарий (Веретенников)	1
Слово о святой Пелагии	3
8 октября	4
Примечания	21